

Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов

Загадка Санагире, или «Касторья в Кахетии»

В Кахетии, близ с. Вазисубани, стоит базилика Санагире. Единственное ее подробное описание дал Г. Н. Чубинашвили, не увидевший в ней ничего нетипичного для грузинской архитектуры IX–X вв.

Однако некоторые элементы здания заставляют усомниться в этом:

1) Выраженные снаружи апсиды. Конечно, они встречаются в Восточной Грузии, но только на раннем этапе (до VII в.), тогда как в VIII–X вв. из Закавказья, кроме Абхазского царства, они полностью исчезают (см. также ниже).

2) Кладка из плинфы, причем и на апсидах, и западном фасаде, — в технике *cloisonné*. В таком виде, как здесь, она в Закавказье неизвестна (к выводу о ее византийском происхождении пришел в 2011 г. и Д. Хоштария, не давший этому, впрочем, конкретного объяснения).

3) Плинфовый фриз с меандровидным орнаментом, плоские ниши с фигурной кладкой и зубчатый карниз из формового кирпича на боковых наружных стенах клеристория.

4) Сложнопрофилированная арка из двух рядов плинфы над входом в южную пристройку, выполненную в той же технике, что и сам храм.

Совокупность данных элементов говорит о работе в Санагире византийских мастеров.

Нетипична и конструкция церкви Санагире: в плане она представляет собой храм типа «вписанного креста» (это хорошо видно при сравнении с соседней четырехстолпной базиликой Квелацминда в Вазисубани), с квадратной формой центральной ячейки и профилированными (под дополнительные подпружные арки) столпами (аналогично кларджетскому крестово-купольному храму в Синкоти), — можно было бы представить себе, что его начинали строить как крестово-купольный, а достраивали по каким-то причинам как базилику. Однако обращает на себя внимание аналогичная про-

филировка столбов в западной ячейке, нетипичная для крестово-купольного храма и подчеркивающая доминирование центрального нефа (это не могло быть основание хор, так как аналогичной профилировки нет в угловых западных ячейках), а также полное отсутствие следов рукавов креста. Эти детали делают возможным еще одну реконструкцию первоначального замысла храма — как своеобразной купольной базилики (напоминающей более поздний храм в Кинцвиси).

Византийская архитектура оказала, по всей видимости, влияние еще на два памятника Кахетии. Во-первых, это храм Св. Нины в Бодбе — кирпичная укороченная двухтравевная базилика с нартексом. Во-вторых, храм Амаглеба близ Озаани — кирпичная крестово-купольная постройка, ранние росписи в которой датируются, предположительно, началом XI в. Оба храма обладают двумя чертами, встречающимися в Санагире и не характерными для местной архитектуры: тремя выступающими полукруглыми апсидами и зубчатым карнизом. Можно было бы, конечно, предположить, что и их построили византийские мастера из Санагире, однако против такой гипотезы говорят как трюмпы в Озаани, так и наличие аналогичного зубчатого карниза в совершенно не византийском по своей архитектуре храме Квелацминда в Гурджаани. Конечно, эти элементы могли попасть в Бодбе и Озаани из архитектуры Абхазии (ср., например, храм в Лыхне), но более вероятным представляется влияние на них соседнего храма в Санагире.

Наконец, те же элементы имеются и в храме Квелацминда близ Вачнадзиани (карниз — на западной стене нартекса). К ним здесь добавляются и такие византийские элементы, как паруса, крестовые своды и триконхиальные пастофории: последние выдают столичное влияние. Однако с ними соседствуют и элементы типично закавказские: трюмпы, план «трехцерковной базилики». Иногда эти черты сочетаются весьма причудливо: так, конхи в торцах западной и восточной травей нефа опираются не на полукруглые стены, а на трюмповый переход к прямоугольной нише. При этом константинопольские и восточногрузинские элементы проявляются только в плане и пространственных решениях, тогда как строительная

техника типична для малоазийской провинции или, даже скорее, для абхазо-аланской группы храмов. В дальнейшем храм повлиял на архитектуру Кахетии, например, на «двухкупольный зал» Квелацминды в Гурджаани (а не наоборот, как считал Чубинашвили, так как уровень мастерства в Вачнадзиани в аналогичных деталях — хоры, окна, купол — несравненно выше).

Типичные именно для средневизантийской архитектуры элементы вышеперечисленных кахетинских церквей исключают возможность более ранней датировки этих памятников. С начала XII в. архитектура Кахетии, после завоевания ее Давидом Строителем, выглядит иначе: здесь появляются высокие купола, резьба и т.п. Очевидно, вышеназванные византийские элементы попали сюда в IX–XI вв., но каким путем они достигли этой наиболее удаленной от империи грузинской провинции?

На первый взгляд, сочетание византийских строительных элементов в Санагире указывает на провинциальную, «элладскую» школу византийской архитектуры (малоазийский вариант здесь исключается, так как там эти элементы появляются впервые только в конце XII в. и лишь на западе Анатолии, на Латмосе): пояс кирпичного орнамента в сочетании с зубчатым карнизом впервые встречается на фасадах храма Богородицы в монастыре Осиос Лукас в Фокиде (середина X в.); плоские ниши под зубчатым карнизом — на апсидах Св. Софии Охридской (X в.) и на церкви Богородицы в Леондари; П-образный псевдомеандр — в Неа Мони на Хиосе (1040-е гг.), причем уже в достаточно развитом виде. На боковых апсидах последней точно такое, как в Санагире, сочетание элементов по вертикали: зубчатый карниз, псевдомеандр и плоские ниши. Сам характер кладки *cloisonné* в Санагире говорит в пользу датировки началом средневизантийской эпохи: здесь плинфа, положенная в два-три ряда (как по горизонтали, так и по вертикали) преобладает над неровным камнем с известковой обмазкой, приобретая характер оправы, что типично для ранних храмов Касторьи, например, Панагии Кумбелидики (середины IX в.), но не для греческих памятников XII в.,

где плинфа выглядит как тонкая прослойка между крупными квадратами.

Однако данные элементы встречаются и в других школах византийской архитектуры. Так, меандр из плинфы мы видим на стене Эски Имарет Джами в Константинополе (X–XI вв.). Имитацию аналогичной *cloisonné* можно встретить на стенах Софии Киевской и других древнерусских храмов. Наконец, *cloisonné* имеется и на южном рукаве Пицундского собора. Поэтому в Санагире могли работать не обязательно мастера «элладской» школы.

В этой связи весьма важным представляется сравнение кладки *cloisonné* в Санагире с другими ее образцами в Восточной Грузии. Так, она известна в стенах тбилисской Нарикалы и Исани: В. Цинцадзе датирует ее VIII–IX вв. и считает, что эти стены были построены после хазарского разгрома 764 г., забывая, однако, что в 853 г. город был полностью разрушен Бугой Турком, и потому данные стены логичнее датировать второй половиной IX в. Впрочем, Г. Ломтатидзе относит такую кладку к XI–XIV вв. — тогда ее следовало бы связывать с восстановлением города Давидом Строителем после 1122 г.: в пользу этого говорит и датировка сложенной в аналогичной технике церкви в Армази первой половиной XII в. В любом случае, кладка *cloisonné* Нарикалы, Исани и Армази значительно отличается от санагирской и византийской: размещение плинфы в ней неравномерно, а вертикальные кирпичи часто заменяются на горизонтальную кладку. Здесь на первый план выходит не эстетика фасада, а необходимость заполнять пространство между камнями неправильной формы.

Итак, датировку Санагире следует все же выводить из византийских аналогий технике кладки, которые склоняют нас к периоду IX–XI вв. Уточнить ее помогает декорация храма, содержащая несколько важных элементов: 1) уникальные для Восточной Грузии четыре мраморных плиты, вторично использованные в нартексе и указывающие на очень богатого заказчика; 2) вероятно, принадлежащее ему склеповое погребение с дромосом, занимающее всю северо-западную ячейку храма (аналогично гробнице Исаака II в Феррах и игумена

Зинона в Икалто); 3) храм целиком расписан, при этом огромные фронтальные фигуры апостолов и святителей в апсиде не могут быть датированы позже кон. XI в., а изображение святой жены и отрока в люнете на западной стене наоса — очевидно, свв. Иулиты и Кирика, может указывать на заказчика декорации — кахетинского хорепископа Квирике, возможно, погребенного в Санагире.

Связь с византийским миром и Восточным Причерноморьем могла быть у каждого из правителей Кахетии с этим именем. Квирике I (893–918) в 906 г. был союзником абхазского царя Константина III, почтившего Алавердскую церковь. Квирике II (929–976) в 957 г. породнился с абхазским царем Леоном III, а в нач. 970-х гг. поддерживал будущего абхазского царя Феодосия III. Квирике III (1010–1037), один из крупнейших политиков Закавказья, изобразил себя на зедазенской плите в византийских лоратных одеяниях. Только для Квирике IV (1084–1102) не установлены связи с империей, однако он известен как восстановитель христианства в Кахетии. Таким образом, декорация и, вероятно, постройка храма в Санагире могут быть связаны с любым из хорепископов Квирике и должны датироваться X–XI вв., хотя резные наличники окон на апсидах, находящие аналогии в церкви св. Георгия в Сапарисе, склоняют нас скорее к XI в.